

ПОНЯТИЙНО-СЛОВЕСНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ СМЕХОВЫХ ВИДОВ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА И ЕГО ЕВРОПЕЙСКАЯ РЕЦЕПЦИЯ

ЦИСЫК А.З.

Белорусский государственный медицинский университет

Аннотация. В статье систематизированы смеховые виды литературного творчества Древней Греции и дан историко-культурный и лингвистический анализ названий этих видов творчества и терминов, связанных с ними.

Ключевые слова: древнегреческое литературное творчество, смеховые жанры и сопутствующие им понятия, этимология названий терминов смехового искусства.

Читатель, ознакомленный со словесным творчеством древних греков, наверняка обратит внимание на то, что это творчество несет в себе преимущественно жизнеутверждающий и радостный характер. И не зря в древнегреческом театре после постановки трех трагедий ставилась так называемая сатирическая драма, которая должна была развеселить зрителей, испытывавших значительное душевное напряжение во время просмотра трагедий. Известно, что у древних греков почитался бог смеха Гелос (*Gélōs* – персонификация самого понятия «смех»), а у римлян был бог смеха Ризус (лат. *Risus* – смех) [8, с. 145]. По свидетельству римского писателя II в. н.э. Апулея, в честь Гелоса и Ризуса в городе Гипата греческой Фессалии проводилось ежегодное празднество с различными экзотическими маскарадами и розыгрышами. Так, во второй книге романа Апулея «Золотой осёл» его главный персонаж – юноша Луций – ночью у двери своего дома убил, как ему показалось, трех неких громил, ломившихся в его дом. Но на следующий день на заседании суда по обвинению его в убийстве он был оправдан, так как оказалось, что Луций стал частью трагикомического розыгрыша. Это выяснилось из речи судьи, обращенной к нему: «Итак, выбрось из головы это огорчение и гони печаль от своей души. Ведь игры эти, которые мы торжественно и публично справляем ежегодно в честь всемилостивейшего бога Смеха, всегда украшаются какой-нибудь новой выдумкой» [1, с. 134 – 141]. По мнению историка культуры М. И. Шахновича, именно к культу древнеримского бога смеха Ризуса, соединившегося с культом Гелоса, восходит День смеха первого апреля. Устраиваемый в честь Ризуса апрельский праздник после падения Римской империи получил распространение во всей Европе [11, с. 110].

Учитывая мировоззренческие особенности древних греков, неудивительно то, что именно в их словесном творчестве мы находим многие термины, отражающие понятия и виды смешного в искусстве, которые вошли в общеевропейский лексикон искусства и культуры и употребляются

и в наше время. И поэтому в настоящей работе мы поставили задачу систематизировать все такие термины и дать им историко-культурный и лингвистический комментарий.

Начнем с того, что смех – это часто весьма серьезное дело. Уже в таком утверждении, которое в наши дни стало афоризмом, кроется смеховая риторико-стилистическая фигура, которую древние греки называли *oxúmoron*, букв. «остроумно-глупое», т. е. намеренно заостренная нелепость – образное сочетание противоречащих друг другу понятий [6, т. 2, с. 1180], например: *glýkpikros* – сладкий, но смешанный с горечью, т.е. полуприятный-полутягостный, или название жанра *spoudogéloios* – серьезно-смеховой, бытовое выражение «печальный смех», названия произведения «Живой труп» и т. п. Смех в наши дни рассматривают с позиции различных наук о человеке, но в нашей работе мы исходим из понимания смеха как всем знакомой психофизиологической реакции человека с участием мимических мышц лица, которая может быть вызвана или некими внутренними психологическими факторами (радость, удовольствие, приятное воспоминание и др.), или внешними факторами (встреча с разными формами смешного). Также доказано, что такая реакция свойственна человеку на протяжении всего его исторического существования как существа разумного и социального. Уже Аристотель в трактате «О частях животных» (фр. 673 а 8) отметил, что человек – единственное живое существо, способное смеяться, и что смех появляется у ребенка не сразу, в отличие от плача, с которым тот рождается, а только не раньше, чем через сорок дней после рождения. И поэтому, как считал Аристотель, только с этого момента ребенок как бы впервые становится человеком. В этом отношении между античным человеком и нашими современниками нет большой разницы, и поэтому мы адекватно воспринимаем все античные смеховые понятия и продолжаем пользоваться ими и в наши дни.

Теперь продолжим разговор определением словесного выражения понятия «смех» в древнегреческом языке, которым является существительное *gélōs, gélotos*. В античное время оно стало частью названия *philógelos* – «филогэл», букв. «любитель посмеяться», которое получил сборник из двухсот шестидесяти пяти шуточных историй, написанных, как считается, между III и V вв. н.э., авторство которого приписывают грамматикам Гиероклу и Филаргию [12]. Этот сборник построен по принципу выделения типовых характеров, представленных в античной комедии и в сатирической эпиграмме. Чаще всего здесь представлены типы «студента-недоучки», «умника», шутника, брюзги, глупца, лентяя, труса, голодающего и обжоры. Представлены также карикатурные образы жителей отдельных городов, которых считали имеющими недостаточно высокий интеллектуальный уровень – например, абдеритов, жителей города Абдеры. «Филóгелос» считается древнейшим сборником анекдотов античности. Само

же слово «анекдот» пришло к нам через французский из древнегреческого языка, где слово *to anékdoton* буквально обозначало «не опубликованное», «не изданное». Но первоначально словом «анекдот» в значении «неопубликованное» в византийском лексиконе Суды X века было названо не предназначенное для печати произведение историка VI в. н.э. Прокопия Кесарийского «Тайная история». В 1623 г. это произведение на латинском и греческом языках было опубликовано во Франции. На латыни публикация называлась *historia arcana*, а греческий вариант сохранил название *to anékdoton*. Последнее название попало в «Энциклопедию» Дидро в значении литературного жанра и было заимствовано европейской литературой и филологией. Вот два примера из сборника «Филóгелос» [12, с.57; с.65].

1) Одноглазый врач спросил больного: «Как здоровье?» Тот ответил: «Как видишь». Врач сказал: «Если так, как я вижу, то ты уже наполовину умер».

2) Спали двое лентяев; вор вошел и стащил с них одеяла. Один из них заметил это и сказал другому: «Задержи того, кто украл одеяло!» Другой ответил: «Погоди, вот когда он придет за тюфяком, тогда мы и схватим его»!

А через полторы тысячи лет после написания сборника «Филóгелос» с помощью слова *gélōs* был образован медицинский термин «гелотология» – наука о смехе и его влиянии на здоровье человека, основанная американским психиатром Уильямом Фрайем в 60-е гг. XX в. в Стэнфордском университете США [13]. В настоящее время эта наука широко используется в психологии, психиатрии и неврологии. Определено, что естественный смех успокаивает нервы, расслабляет мышцы, улучшает самочувствие. Исследования показали, что при смехе от мышц лица идут особые импульсы, которые благоприятно влияют на нервную систему и работу мозга, снимая напряжение. Даже когда вам невесело, но вы выдавливаете из себя фальшивую улыбку, вам на душе становится намного легче. Доказано также, что сердитые люди страдают заболеваниями сердца чаще, чем веселые, а вот весельчаки менее подвержены риску возникновения инфаркта. Врачи доказали, что это связано с тем, что смех укрепляет эндотелий – клетки, выстилающие кровеносные сосуды и полости сердца изнутри.

В античности к изучению влияния смеха на здоровье человека обращался не только Гиппократ, постоянно говоривший в своих медицинских трактатах о важности веселого и бодрого настроения врача и больного для борьбы с болезнями. Весьма интересным феноменом следует считать деятельность знаменитого философа Демокрита, получившего в античности название «смеющийся» из-за того, что тот постоянно смеялся над суетностью людских забот. Сохранились письма Гиппократа, в одном из которых излагается история о том, как жители города Абдеры, где жил Демокрит, пригласили Гиппократа излечить Демокрита от болезненного смеха, которым, по их мнению, страдал их соотечественник. Приехав к

Демокриту, посмотрев на его поведение и побеседовав с ним, Гиппократ понял, что смех Демокрита носит философский миросозерцательный характер и является всего-навсего насмешкой над пустыми человеческим страхами и заботами. Поэтому Гиппократ не увидел в поведении Демокрита ничего патологического, согласился с его философией жизни и даже стал его хорошим другом [3, с. 382 – 396]. Следует отметить, что этот же Демокрит был автором основательного трактата о сущности человеческого смеха, который, к сожалению, не сохранился.

Если возвратиться к древнегреческим литературным памятникам, то первыми художественными произведениями, в которых мы встречаем различные виды смеха и некоторые термины, связанные со смеховым искусством, – это поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Именно здесь мы впервые находим различные проявления смеха и у людей, и у олимпийских богов, которые, наравне со смертными, являются персонажами обеих поэм и играют существенную роль в их сюжете. Эти проявления смеха осуществляются через упомянутое выше существительное *gélōs*, *gélotos* и производный от него глагол *geláo* «смеяться». При этом указанное существительное и глагол могут выражать довольно широкий спектр смеховых ощущений и проявлений персонажей – от легкой или смущенной улыбки до снисходительной, язвительной или злобной ухмылки, от доброжелательного смеха до смеха насмешливого, язвительного, саркастического и даже безумного, от искреннего доброжелательного смеха до улыбки сквозь слезы. В интернациональную, в том числе и русскую фразеологию вошло гомеровское выражение «гомерический хохот», *ásbestos gélos*, т.е. «негасимый, неукротимый смех». Вот, в частности, цитата из XXIII главы повести Льва Николаевича Толстого «Отрочество»: «Глаза наши встречаются, и мы заливаемся таким гомерическим хохотом, что у нас на глазах слезы, и мы не в состоянии удержать порывов смеха, который душит нас». Источник выражения «гомерический хохот» – рассказ певца Демодока в восьмой книге «Одиссеи» о том, как муж Афродиты Гефест поймал в невидимые сети свою жену на прелюбодеянии с богом войны Аресом и позвал посмотреть на это зрелище олимпийских богов-мужчин, которые при его виде разразились гомерическим хохотом.

Но, кроме богов, нередко дружно хохочут и смертные персонажи гомеровских поэм. Так, в XXIII книге «Илиады» на состязаниях в беге, посвященных погребению Патрокла, лучший ахейский бегун Аякс наступил на влажный коровий помет, поскользнулся и упал, после чего его ноздри и рот наполнились отходами коровьего питания. Отплевываясь, Аякс жалуется на козни Афины, которая устроила ему такую пакость, чтобы помочь его сопернику Одиссею. При виде всего этого, как говорит Гомер, «весело все засмеялись ахейцы» (Ил., XXIII, 784).

А сейчас о втором виде смеха, название которого, *risus sardonicus*, впервые встречается в поэме «Одиссея» (Од., XX, 285-286) в эпизоде, когда Ктесипп, один из женихов Пенелопы, швыряет в Одиссея зажатой ногой вроде бы как в форме подачи с барского стола. На это, уклонившись от летящего на него «подарка», Одиссей сардонически ухмыляется (в древнегреческом оригинале «Одиссей улыбнулся в душе «весьма сарданским (смехом)»). Прилагательное *sardánios* (сарданский) здесь может значить «язвительный», «презрительный», но, согласно словарю древнегреческого языка, также может быть истолковано как *Sardónios*, т.е. «сардинский или сардонический» [6, т. 2, с. 1463]. Вероятная этимология выражения «сардонический смех» приводится у греческого историка и географа II в. н.э. Павсания при описании природы острова Сардиния: согласно Павсанию, на этом острове произрастает растение, схожее с сельдереем, «вкушая которое, людей охватывают конвульсии, и они смеются против воли, и затем умирают, смеясь». Таким образом, скрытый злоедейский смех Одиссея как бы предвещает гибельную расплату за нанесенное ему оскорбление. Филолог и философ А. Ф. Лосев в своей монографии «Античная мифология в ее историческом развитии» приводит все случаи употребления сардонического смеха в античной литературе, в том числе и сведения Павсания [7, с. 136-139]. Он же приводит и эпизод из диалога Платона «Государство», где участник диалога Фрасимах, явно обозленный стилем поведения Сократа не отвечает самому прямо, а придирается к чужим доводам и их опровергает, «усмехнулся весьма сардонически и сказал Сократу: «Ты не пожелаешь отвечать, а прикинешься простачком и станешь делать все, что угодно, только бы увернуться от ответа». Выражение «сардонический смех» или «сардоническая улыбка» и в настоящее время применяется как синоним жестокого, злорадного смеха, предвосхищающего неприятность для врага того, кто смеется.

Особое значение выражение термин «сардонический смех» (*risus sardonicus*; синонимы: сардоническая гримаса, сардоническая улыбка) имеет в современной медицине. Это название стойкой гримасы, которая наблюдается при столбняке и обусловлена судорожным сокращением мимических мышц.

В поэмах Гомера можно найти и примеры т.н. саркастического смеха, или, вернее, саркастической улыбки, сопровождающей речь персонажа. Термин «саркастический» образован от греческого прилагательного *sarkastikós*, букв. «вызванный сарказмом». Слово же «сарказм» – от греческого существительного *sarkasmós*, производного от глагола *sarkázo*, буквально «разрываю мясо» [6, т. 2, с. 1463]. Саркастическая улыбка или насмешка – язвительная насмешка, при которой, как первоначально представлялось, говорящий, словно в каком-то злорадном исступлении, терзает в гневе свои губы. В качестве примера несколько смягченного

варианта саркастического смеха можно привести эпизод из 16-й песни «Илиады», в котором Патрокл, сразив насмерть возницу Гектора Кебриона, наиграно и язвительно восхищается ловкостью, с которой тот, будто по своему желанию, мертвым нырнул в песок, словно рыба в море:

Боги, как ловок сей муж! Как легко он кувыркнулся наземь!
Если б он то же проделал среди многорыбного моря,
Устриц ища, то наверно доставил бы лакомство многим,
Прыгая так же легко с корабля даже в бурные воды,
Как вот теперь с колесницы нырнул он в песок среди поля.
Знать, и в народе троянском искусные есть водолазы! (Ил., XVI, 745-750)

Саркастический смех во многом похож на язвительную иронию, которая, наряду с другими видами иронии, по мнению исследователей Гомера А. Ф. Лосева и Н. Л. Сахарного, широко представлена в поэмах «Илиада» и «Одиссея» [5, с. 207, 311, 317; 7, с. 295 – 306]. Но самого термина «ирония» в поэмах Гомера мы еще не встречаем. Здесь имеет место случай, когда при анализе античного произведения мы привычно пользуемся термином, который получил современное терминологическое и смысловое определение намного позже явления, описанного в античном художественном тексте. Иронией в наши дни считается словесная фигура речи, в которой высказывается утверждение таким образом, что по существу уменьшается и нивелируется его основной смысл. А само слово «ирония» восходит к греческому существительному *eironeía* – притворство [6, т. 1, с. 468]. Понятие иронии принято выводить из сократических диалогов Платона, в которых Сократ, используя притворство, обычно задает собеседнику вопрос, в котором таится подвох и разоблачение точки зрения собеседника. На основе диалогов Платона ирония описывается в «Риторике» и «Никомаховой этике» Аристотеля, причем в рассуждениях Аристотеля ирония уже последовательно ассоциируется с притворством говорящего. Современное определение иронии как способа сказать одно, имея в виду нечто противоположное (*contrarium ei quod dicitur intelligendum est*), традиционно приписывают древнеримскому теоретику ораторского искусства I в. н.э. Марку Фабию Квинтилиану. В своих рассуждениях об иронии он опирался на труды Платона и Аристотеля. Квинтилиан уже различал иронию как риторическую фигуру (локальную иронию) и иронию как свойство речи или способа мировоззрения отдельной личности. Предложенная Квинтилианом дефиниция и дифференциация иронии не только как риторического инструмента, но и умонастроения говорящего прошла проверку временем и сегодня именно она считается классической [14].

А сейчас попытаемся найти примеры иронии в тексте гомеровских поэм. Так, в XVIII книге «Одиссеи» Одиссей, обращаясь к женихам,

заставляющим его, по виду дряхлого старика, вступить в драку с явно более молодым и более сильным Иром, притворно взывает к их разумному и справедливому решению отменить эту драку:

Как же возможно, друзья, чтоб вступил с молодым в состязанье
Слабый старик, изнуренный нуждою! (Од., XVIII, 53-54)

А вот явно злая и насмешливая ирония Одиссея над побитым им Иром. Победитель приволок обездвиженного Ира к воротам усадьбы и усадил его там в роли пугала с палкой руке со словами: «Здесь сиди и собак и свиней отгоняй» (Од., XVIII, 106).

Естественно, что примеры самых разнообразных видов иронии можно найти и более поздних памятниках древнегреческой литературы. Например, у поэта III в. до н.э. Феокрита в 4-й буколике Батт, явно «подкалывая» знакомого пастуха Коридона, говорит, что ему жалко коров Эгона, которых пасет Коридон [10, с. 25]: «Бедные, жалко мне их, ведь пастух-то их больно неважен». Но добродушный Коридон даже не замечает иронии Батта и отвечает: «Правда, уж так-то печальны, что мимо травы уже смотрят».

Или вот в десятой идиллии в ответ на признание жнеца Милона, что он влюбился в флейтистку Бомбику, его напарник с язвительной иронией отвечает [10, с. 53]:

Бог наказал дурака! Вот нашел-то, так долго искавши!
Будет об тело тебе саранча эта ночью тереться.

Говоря об иронии в поэмах Гомера, нельзя не сказать о еще одной категории смехового искусства, проявления которой часто встречаются в этих поэмах – о юморе. Сегодня под юмором в словесном творчестве понимают, во-первых, особую фигуру речи, передающую различные оттенки смешного. Но второе определение юмора касается мировоззрения человека и конкретно – его интеллектуальной способности подмечать в явлениях их смешные стороны и соответствующим образом реагировать на них. При этом в случае с термином «юмор» мы имеем ситуацию, сходную с термином «ирония», когда теоретическое осознание сути языкового явления на столетия отстало от его фактического присутствия в словесном искусстве. Мало того, становление понятия «юмор» как литературного и философско-эстетического термина, пришло в современную науку намного позже, чем термин «ирония» [2, с. 165 – 181]. Отметим основные вехи этого процесса.

Прежде всего, следует отметить, что слово «юмор» имеет латинские языковые истоки. Латинское существительное *umor* или *humor* означало «влага», «влажность» или «жидкость». Но превращение гумора-жидкости в слово «юмор» началось с того, что в средние века под влиянием учения античного медика Галена слово *humor* в значении «жидкость» стали

употреблять для передачи тогдашних представлений о «жидкостях тела», будто бы обуславливающих характер и поведение человека. Эти жидкости, или гүморы, начали связывать с различными видами темперамента человека – холерическим, сангвиническим, меланхолическим и флегматическим, формирующимися в организме человека под влиянием преобладания одной из указанных жидкостей. В связи с этим и слово *humor* стало истолковываться как «поведение», «нрав», «характер». Новый этап в смысловом движении слова *humor* наступает в XVIII в. В 1709 г. английский философ и моралист Энтони Шефтсбери публикует книгу «Опыт свободного выражения остроумия и юмора», в которой юмор настойчиво связывается с особым рода «веселым настроением, вызывающим «шутку», «усмешку». Попытку закрепления такой новой интерпретации понятия *humour* сделал Иоганн Рихтер, известный под псевдонимом Жан Поль. Свои взгляды он изложил в «Подготовительной школе эстетики», опубликованной в 1804 г. Рихтеру удалось наметить новые черты представления о юморе как о неразрывной смысловой и психологической связи с усмешкой и с доброжелательной иронией говорящего. Таким был непростой путь от учения о гуморальной основе темперамента и настроения человека до оформления понятия «юмор» как особого рода веселого настроения, вызывающего «усмешку» в реальной жизни и в литературе, отражающей это особое настроение. Теперь попытаемся найти примеры юмора в гомеровских поэмах.

Прежде всего, следует сказать о том общем чувстве юмора, с которым Гомер изображает бессмертных олимпийцев как существ, которым присущи все мелкие страстишки смертных: зависть, надменность, лукавство, обманность и прочее. Так, в 14 книге «Илиады» поэт посвящает несколько сот стихов тому, как Гера готовится обмануть своего супруга Зевса, чтобы скрыть от него свою помощь ахейцам. Для этого она всячески прихорашивается и просит у Афродиты ее пояс, навевающий непреодолимые любовные желания, а затем собирается, как сказано в поэме,

Зевсу на Иду явиться, убранством себя изукрасив:
Может быть, он возжелает почить и любви насладиться
Видя прелесть ее, а она и глубокий и сладкий
Может быть, сон прольет на зеницы его и на разум. (Ил., XIV, 162-165)

Образцом гомеровского юмора считается уже упомянутая нами сцена из восьмой книги «Одиссеи», в которой певец Демодок красочно рисует картину измены Афродиты с Аресом и страдания ее мужа Гефеста. Таким же юмором окрашены сцены из девятой книги «Одиссеи», где ослепленный Одиссеем киклоп Полифем тщетно взывает к своим соплеменникам о помощи, поскольку говоря, что его обижает «Никто», он выставляет себя в их глазах в глупом свете, после чего Одиссей радостно замечает:

Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти удалось.(Од., IX, 413-414)

Сплошь юмористичная и пространная история драки Одиссея с нищим Иром в 18-й книге «Одиссеи» (Од., XVIII, 4–109). Настоящее имя Ира – Арней, но поскольку этот Арней состоит на побегушках у женихов, то они прозвали его Иром, иронически намекая на имя Ириды, вестницы Зевса. Ира, труса и слабака, женихи насильно тащат в им же затеянную драку, и при виде этой трагикомической сцены «все женихи помирали со смеху» (Од., XVIII, 99-100).

И таких юмористических сцен с самыми различными оттенками юмора – от безобидно-доброжелательного до язвительного – в поэмах Гомера, и особенно в «Одиссее», великое множество.

Говоря о разновидностях смешного содержания в древнегреческом словесном искусстве, впору сказать о жанре литературы, полностью посвященном веселить зрителей – о комедии. Сегодня напомним, что сам термин «комедия» восходит к греческим словам *kōmos* «веселое шествие» и *odé* «песня». С появлением жанра комедии в V в. до н.э. в греческий лексикон входят такие слова-термины, как *komodía* (комедия), *komodikós* (комедийный), *komikós* (комический, комедийный), *ó komikós* (комический актер – комик), которые вошли в общеевропейский лексикон.

Видом комического сценического искусства в Древней Греции классического периода была сатирическая драма, персонажами которой были сатиры (гр. *sátyroi*) – полулюди-полукозлы из свиты бога Диониса, а также некоторые известные герои мифов, например, Геракл, изображаемые в комическом виде. Эту драму ставили в качестве утешительного представления после трагической трилогии. Сохранилась полностью только одна сатирическая драма – «Киклоп» Еврипида, основным комическим персонажем которой выступает известный нам по 9-й книге «Одиссеи» киклоп Полифем.

И, наконец, разновидностью комедийного искусства считается пародия. Это название (греч. *parodía* – комическая переделка, пародия) было известно еще в античной Греции [6, т. 2, с. 1267]. Первым ярким примером пародии того времени была анонимная комическая переделка «Илиады» Гомера под названием «Батрахомиомахия» («Война лягушек и мышей»), составленная гекзаметром, в которой мыши и лягушки выступают в облике героев троянской войны и говорят языком героического эпоса. Много пародийных сцен, изображающих олимпийских богов, можно найти у Лукиана, писателя-сатирика 2-го века н. э. В наше время слово «пародия» имеет широкое бытовое хождение, и его можно встретить в любых и самых неожиданных сферах жизни, например, «Это не медицина, а пародия на медицину!». А еще в советское время возникла профессия «поэт-пародист».

В частности, в 70-80 годы XX в. на советской эстраде был очень популярен пародист Александр Иванов. Предлагаю ознакомиться с двумя его пародиями [15]. Думается, что текст этих пародий в конце данной статьи поможет ее читателям надолго сохранить веселое настроение

1. «Лесная буза». По мотивам книги стихов Юнны МОРИЦ «Лоза».

Был козлик тощий и худой,
И жил он у старухи нищей,
Он ждал соития с едой,
Как ангел – с вифлеемской пищей.
Козла трагичен гороскоп,
Раскручена спираль сиротства.
Жил волк, бездушный мизантроп
Злодей, лишённый благородства
По челюстям сочилась бран
Картёжника и фанфарона.
Он ждал! Была его гортань
Суха, как пятка фараона.
Он съел козла! Проклятье злу
И тем, кто, плоти возжелая,
Отточит зубы, как пилу,
Забыв о том, что плоть – живая!
Старуха плачет по козлу,
Красивая и пожилая.
А волк, забыв о Льве Толстом,
Сопит и курит «Филип Моррис»,
Под можжевелевым кустом,
Лежит, читая Юнну Мориц,
И вертит сумрачным хвостом.

2. «ВЫСОКИЙ ЗВОН». По мотивам поэтических строк Валентина Сидорова «Косматый **облак(!?)** надо мной кочует,/ И ввысь уходят светлые стволы».

В худой котомк поклав ржаное хлебо,
Я ухожу туда, где птичья звон,
И вижу над собою синий небо,
Косматый облак и высокий крон.
Я дома здесь. Я здесь пришёл не в гости.
Снимаю кепк, одетый набекрень.
Весёлый птичк, помахивая хвостик,
Высвистывает мой стихотворень.
Зелёный травк ложится под ногами,
И сам к бумаге тянется рука.
И я шепчу дрожащими губами:
«Велик могучий русский языка!»
Но, выползя на миг из тины зыбкой,
Болотная зеленовая тварь
Вручает мне с заботливой улыбкой
Большой Орфографический словарь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апулей. Метаморфозы // Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды. – М.: Изд-во АН СССР. – 1960. – 434 с.
2. Буданов Р.А. Человек и его настроения (юмор, ирония) // Р.А.Буданов. История слов в истории общества. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Добросвет, 2004. – 256 с.
3. Гиппократ. Письма и речи // Гиппократ. Афоризмы/ Гиппократ. – М.: Эксмо, 2008. – 400 с.
4. Гомер. Илиада / Пер. с древнегреч. Н. Гнедича; Примеч. М. Томашевской; Художник Д. Бисти. – М.: Худож. лит., 1986. – 384 с.
5. Гомер. Одиссея / Пер. с древнегреч. В. Жуковского; Примеч. М. Томашевской; Художник Д. Бисти. – М.: Худож. лит., 1986. – 270 с.
6. Древнегреческо-русский словарь.. / Сост. И. Х. Дворецкий. – Т. I – II. – М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей, 1958. – Т. I – 1043 с.; Т. II – 1904 с.
7. Лосев А.Ф. Гомер. – М.: Гос. учебно-педагогич. изд-тво министерства просвещения РСФСР, 1960. – 350 с.
8. Мифологический словарь. / Гл. ред. Е.М. Мелетинский. – М.: Сов. энциклопедия, 1991. – 736 с.
9. Сахарный Н.Л. Гомеровский эпос. – М.: Худож. лит-ра., 1976. – 397 с.
10. Феокрит. Мосх. Бион. Идиллии и эпиграммы. Перевод и комментарий М.Е. Грабарь-Пассек. М.: Из-во Академии наук СССР, 1958. – 326 с.
11. Шахнович М. И. Приметы верные и суеверные. Атеистические очерки народного знания и бытового суеверия. — Л.: Лениздат, 1984. — 190 с.
12. Philogelos oder der Lach-Fan von Hierokles und Philargios – Herausgegeben und übersetzt von Gerhard Löwe; illustriert von Wolfgang Würzel. – Dresden: Koeler und Amelang, 1981. – 98 S.
13. rw.wikipedia.org/wiki/Смехотерапия
14. <https://uchebnikfree.com.antichnaja-ironija-66732>
15. <https://dzen.ru.aleksandr-ivanov-parodist-slushat>

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра классической филологии

Методика преподавания латинского языка
и дисциплин классического цикла

Материалы Межуниверситетского круглого стола
Минск, 24 января 2024 г.

Минск
2024